

Новые коммуникационные технологии: игры контроля

Б.С. Гладарев¹

Технологическая революция, произошедшая в средствах коммуникации в середине 1980-х годов, постепенно становится одним из важнейших факторов общественного развития. Расширение возможностей для коммуникации посредством эффективных, недорогих и мобильных средств связи создает предпосылки для новой организации общества. По мере расширения сети пользователей интернета и мобильной телефонии, целые сферы человеческой деятельности стремительно переносятся в поле дистанционной коммуникации [10, с. 132]. Изменяется привычный порядок взаимодействия, как на уровне институтов, так и на уровне индивидов, участвующих в интеракциях. Трансформируются «основы и категории, в рамках которых мы до сих пор мыслили и действовали, — пространство и время, труд и досуг, предприятие и национальное государство» [1, с. 25]. Как любая революция, революция в сфере коммуникаций, вызывает «культурную травму», быстро вытесняя привычные формы работы, общения, образования, развлечений, властных диспозиций и замещая их новыми [10, с. 141].

В данной статье исследуется значение, которое информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), приобрели в практиках институционального и индивидуального контроля в современном российском обществе. В качестве эмпирической базы использовались материалы полевого исследования, которое проводилось совместно с Маркку Лонкила (университет Хельсинки) в Петербурге в 2002–04 гг.² Анализ строится на теориях социологии практик, сформулированных в работах Мишеля Фуко [13–15; 19–21] и Мишеля де Серто [18].

Используя фукольтианскую модель можно сказать, что в настоящее время ИКТ становится инструментом микрофизической власти, лишенной координирующего центра и опирающейся на индивидуальные стратегии, которые часто перевоплощаются в тактики повседневного взаимодействия. Можно констатировать, что вопреки рекламным слоганам о свободе и независимости, которую дарит, например, мобильный телефон, социальный контроль для пользователей мобильной телефонии сохраняется и даже усиливается. Персонализация электронной почты и мобильного телефона содействует одновременно и росту персонального контроля со стороны «господствующих», и развитию стратегий уклонения, основанного на всевозможных языковых играх, со стороны «подчиненных». Диффузная, растворенная в социуме власть по Фуко, дополненная субъективирующими тактиками де Серто, адекватнее всего, на мой взгляд, описывает роль информационно-коммуникационных технологий в системе институционального и индивидуального контроля современных обществ.

Информационное общество, где коммуникации (дороги, транспорт, почта и т.д.) приобретают первостепенную важность, создает новые инфраструктурные основания для социальных конфликтов [11]. В настоящее время власть и доминирование определяются большим набором факторов, не все из которых напрямую связаны с экономикой. Очевидно, что неравный доступ к ИКТ создает условия для доминирования социальной страты, имеющий самый широкий доступ, а скорость доступа к информации является важнейшим параметром социального капитала [5, с. 12]. Следовательно, возможность оперативно

---

¹ Гладарев Борис Сергеевич — сотрудник Центра независимых социологических исследований, аспирант Европейского Университета в Санкт-Петербурге. Электронная почта: boris@indepsores.spb.ru

² Исследование было поддержано компаниями Telenor (Норвегия) и France Télécome (Франция); подробное описание методологии и эмпирических данных см. [7].

получать и сообщать информацию стала новым стратифицирующим фактором. Во времена индустриально-промышленного капитализма Маркса скорости передачи информации еще не придавали такого определяющего значения. Сегодня, в эпоху глобализации, скорость и надежность передачи информации стали ресурсом господства. Это новая форма господства заключается не в обладании, а в способности контролировать «области неопределенности» [25]. Для разных социальных акторов пространства неопределенности имеют разные масштабы и формы. Например, для государства – это, в первую очередь, его суверенность, которая традиционно связывается с территориальными границами. Территориальность, — отмечает И.Ф. Девятко, — в социологической традиции рассматривалась в качестве фундаментальной характеристики социальных взаимодействий. Чтобы применить власть против актора, необходимо «добраться до него» в том месте, где он есть или хотел бы быть [9, с. 28–29]. Сейчас территориальная организация власти значительно подорвана новыми технологиями, в особенности мобильной телефонией. Организация (например, коммерческая фирма), стремясь распространить свое господство на территорию своей экономической активности и пространство организационной структуры, сталкивается с разнообразными тактиками уклонения и даже сопротивления, как конкурирующих фирм, так и собственных сотрудников.

Стратегии многих ущемленных групп в современных обществах тесно связаны с использованием ИКТ. Чеченское сопротивление активно использует ресурсы интернета для коммуникации со всеми агентами, заинтересованными в их точке зрения. Антиглобалистские демонстрации организуются через SMS-рассылки. Мобильный телефон используется для оперативной организации забастовок на итальянских предприятиях [24].

Таким образом, можно сказать, что ИКТ становятся оружием новых социальных конфликтов. Если еще недавно, в середине XX века, эффективные системы связи были доступны только государственным или крупным капиталистическим институтам, то теперь они распространяются все шире, в том числе среди дискриминируемых групп. Доминирующие группы также стремятся использовать ресурсы ИКТ для сохранения своих позиций, например, используя мобильные телефоны для контроля, а электронную почту — для рекламы, стараясь контролировать производство и потребление.

Самый важный аспект развития ИКТ — политический. Информация — это власть. Доступ к информации есть во многом условие свободы. Из этого прямо вытекают проблемы законодательного характера. Компьютерная отрасль пока в незначительной степени подлежит государственному регулированию и развивается в условиях свободного рынка [3, с. 139]. То же касается и отрасли мобильной телефонии. Открытие доступа к информации (согласно Д. Беллу — к власти) для широких масс, имеющих дефицит капиталов, порождает коррозию в стратификационной структуре и размывает дисциплинарную систему.

Общедоступность информации в сочетании с возможностью ее почти мгновенной передачи, подрывает устойчивую и самовоспроизводящуюся социальную систему. Контроль теперь доступен не только обладающим большими капиталами элитам, но, в той или иной степени, всем пользователям ИКТ.

ИКТ как инструмент государственного контроля и тактики сопротивления

Несмотря на то, что ИКТ дают свободу доступа к информационно-коммуникационным ресурсам, тем самым размывая властное поле, российское государство старается ограничить процесс «диффузии» власти, пытаясь контролировать информационные потоки³. «У центров

---

³ Как отмечал Фуко, государство — это нечто такое, что существует для самого себя, а индивид с точки зрения государства существует лишь постольку, поскольку он способен внести некое изменение, пускай ничтожное, в мощь государства, будь то в положительном или отрицательном направлении [13, с. 367, 369].

власти появляется заинтересованность в осуществлении контроля не столько за самой информацией, сколько за путями ее поиска и получения» [2, с. 75].

Данные проведенного исследования показывают, что многие пользователи ИКТ осознают этот контроль и говорят, например, об опасности конфиденциального использования электронной почты, поскольку она «прозрачна» и выборочно проверяется в соответствии с Системой Оперативно-Розыскных Мероприятий (СОРМ). Например, 24-летний аспирант одного из петербургских вузов, говорит:

«Есть программа, обязывающая всех провайдеров и всех операторов сотовой связи предоставлять оборудование соответствующим органам для прослушивания и просмотра контента. Там это случайным образом просматривается, но вот те товарищи, которые это... То есть, там же глупые машины сидят, я имею ввиду выбирают почту. Поскольку я считаю себя человеком политически активным, я предпочитаю, скажем, в e-mail'e не обсуждать с моим другом, допустим, текущую политическую ситуацию. И я знаю, что в нынешних сложившихся условиях, если по электронной почте с западным товарищем начать обсуждать свое отношение к Владимиру Владимировичу, то это не всегда хорошо».

Для политических дискуссий он использует электронный ящик, зарегистрированный на международном портале, считая, что его трафик программа СОРМ не просматривает:

«Для меня каждый ящик (у информанта их три – Б.Г.) ... отношение к каждому ящику и его использование во много диктуется тем, что я знаю, что на самом деле меня будет в сети видно. <...> Бесплатный русский ящик у меня для рассылок. Там адреса продаются, и много спама приходит. Мое частное место — это мой университетский ящик. А английский это для... то есть для тем, которые, я считаю, могут заинтересовать соответствующие органы, и которые я обсуждаю с западными коллегами».

Такое же подозрительное отношение у некоторых людей вызывает передача конфиденциальной информации посредством мобильного телефона. При необходимости ее разным образом кодируют. Например, одна из информанток, рассказала, что когда они с друзьями курили марихуану, а один из участников вечеринки, решил выйти прогуляться, забыв выложить наркотическое средство из кармана куртки. Встревоженные друзья стали слать ему SMS-сообщения: «Петя, будь осторожен, ты забыл выложить из кармана воблу». Но в данном случае код был прочитан не правильно, что ясно из ответного SMS: «Миша! Какая вобла?! Ложись спать».

В этой связи интересно замечание Поля Вирилио, который писал, что мобильный телефон представляется одним из технических изобретений, способствующих как присущей метрополии властной концентрации, так и разбросу основных социально опасных явлений: полицейские Лос-Анджелеса оказались беспомощными перед произвольно назначаемыми встречами, пользующихся портативными телефонами, дилеров запрещенных наркотических средств и их покупателей, появляющихся то здесь, то там, неизвестно где, всегда где-то в другом месте [5, с. 17].

С 1998 года ни один провайдер или оператор сотовой связи⁴ не может получить лицензию на деятельность по предоставлению интернет-услуг или услуг мобильной связи без подписания договора о сотрудничестве с ФСБ⁵. То есть государство, как субъект власти, пытается ограничить возможности индивидов присваивать часть новых ресурсов

---

⁴ После июльского террористического акта в подмосковном Тушино все мобильные телефоны в Москве и Московской области прослушивались ФСБ, о чем было официально объявлено (см., напр.: Спецслужбы начали прослушивание мобильных телефонов // <http://www.vesti.ru/news.html?id=36054&tid=16329>; 09.07.2003. 18:15.)

⁵ Подробнее о СОРМ и отношении российского общественного мнения к ней см.: <http://www.hro.org/editions/privacy/> и <http://www.libertarium.ru/libertarium/sorm/>

информационного поля. Однако пользователи ИКТ всячески ускользают от подобного контроля с помощью разного рода кодирования и трудно контролируемых способов передачи информации. Борьба за приватность и надежность информации в поле ИКТ отражает значение, которое придают агенты возможности распространять информацию дистанционно. Никакие СОРМ и СОРМ-2 не способны в настоящее время тотально контролировать потоки информации, осуществляемые через новые ИКТ. Такое положение является залогом демократического развития общества и оставляет возможности для выражения суждений, отличных от суждений господствующей элиты. Ресурсы ИКТ активно используются, например, чеченским сопротивлением⁶. Также показательно, что одной из первых социальных групп в России, представители которой стали активно применять мобильную телефонию, стали люди, которые потом были определены как «силовые предприниматели», на некоторое время узурпировавшие власть «перестраивающегося общества» [6].

Однако следует подчеркнуть, что антидисциплинарные тактики редко связаны со стратегическим сопротивлением, подобно чеченскому, скорее они растворены в повседневных взаимодействиях, не имеющих целью противостоять власти, а демонстрирующих скорее тактики «избегания контроля». Это стихийные действия, мелкие уловки, тем не менее, способны влиять на структурное пространство государственного контроля. Показателен пример с пожаром в петербургском метро в декабре 2003 года, когда автор стал свидетелем легкой паники пассажиров, выразившейся в многочисленных звонках по мобильным телефонам. Уже через десять минут, садясь в маршрутку, я слышал, как одна из музыкальных радиостанций передавала информацию о происшествии. В вечерних новостях петербургского телевизионного канала городские чиновники информировали население о «технических неполадках и задымлении». Возможно они не почувствовали бы необходимости делать подобные заявления, особенно накануне губернаторских выборов, если бы их контроль за информационными потоками был полнее.

Другой важный момент дисциплинирования связан не с информационной, а пространственной инфраструктурой. Строя фабрики, исправительно-трудовые лагеря, здания оперы, школы или психиатрические учреждения и, организуя конгрессы или демонстрации, социальные системы с довольно устойчивыми и аккуратно определенными границами создают дисциплинарное пространство, то есть наиболее объективное и инвариантное измерение, доступное в физическом мире. Согласно М. Фуко [20] соотношение между архитектурой и социальными институтами — первичное основание социальной власти, потому что, строя здания и разрабатывая технологии физического пространства, элиты имеют мощные дисциплинарные средства для внедрения своих ценностей и норм.

Появление и массовое распространение мобильных средств коммуникации разрушает архитектурно-пространственное доминирование общественного порядка. Материалы исследования демонстрируют, что пользование мобильным телефоном является антидисциплинарной тактикой в условиях сдачи экзамена (когда правильные ответы передаются с помощью SMS коммуникации), в ситуациях прохождения бюрократических барьеров (для форсирования очередей) и даже при арестах милиции для мобилизации поддержки со стороны социальной сети задержанного.

Еще один аспект современного дисциплинарного порядка опирается на культурный конструкт линейного времени, воспроизводящегося в расписаниях, бюджетах времени и императиве успешности. Питер Хёг в своем романе «Условно пригодные» подчеркивал, что измерение линейного времени начинает развиваться в Европе всего лишь 300 лет назад. Его доминирование в качестве дисциплины появляется в тот момент, когда общество начинает изменяться так быстро, что уже более нельзя узнать каждый новый день, поскольку он теперь сильно отличается от предыдущего. Линейное измерение времени возникает вместе с

---

⁶ См., например: http://www.chechen.org/modules.php?name=Web_Links

усложнением устройства общества, оно появляется вместе с развитием коммуникаций, почты, денежной системы, торговли, с возникновением железных дорог [16, с. 265]. Единая система отсчета времени вводилась государством как еще один инструмент стандартизации, на манер Палаты мер и весов⁷. Питер Хёг, развивая идеи Фуко, пишет о линейном времени, как о тотальной дисциплине, которая постепенно формировалась в недрах европейской культуры.

Сегодня уже вошло в привычку планировать, что и когда будет сделано. Мы заранее знаем, когда то-то и то-то нужно сделать обязательно, когда и куда нужно будет поехать и когда мы будем «по-настоящему свободны». «Поэтому планирование стало играть ключевую роль как в организации личной жизни, так и в управлении коллективными формами поведения; например, чтобы заранее подготовиться к приему гостей, нужно знать, что в 7 вечера в дверь позвонят 7 человек. Правда, планирование иногда вызывает неудобства, даже если вы сами назначаете время; разочарования неизбежны, когда приходится опаздывать из-за того, что попали в пробку, или из-за других непредвиденных обстоятельств» [22].

В традиционных технологических условиях планирование неизбежно из-за отсутствия средств связи, которые бы позволяли оперативно координировать действия во времени и пространстве. Появление таких технических средств, как мобильные телефоны, избавляет от необходимости заранее точно устанавливать место и время встречи, поскольку оперативно можно внести уточнения и/или изменения.

Неслучайно данные проведенного исследования показывают, что одна из основных функций мобильного телефона — это координация. Как выразилась в интервью одна из информанток:

«Координация. Я думаю, да, это наиболее важная функция. Потому что мы звоним, или я звоню мужу, и договариваемся, где мы встречаемся в течение дня. Скажем, если мы не можем договориться об этом утром. А такое случается довольно часто, мы в разное время уходим на учебу, или на работу, и так получается, что утром мы не общаемся практически. То есть, например, я ухожу, он еще спит, или он уходит, я еще сплю. Такое бывает довольно часто, и поэтому вот уже первый наш контакт в течение дня это, как правило, по телефону, по мобильному» (жен., 23 года, переводчик).

Собранные в ходе исследования данные (таблица) показывают⁸, что мобильный телефон в основном применяется для координации совместных действий и соотнесения себя во

---

⁷ В 1873 г., когда Сэндфорд Флеминг из компании «Канадские железные дороги» на международной конференции предложил «универсальное мировое время» для всего земного шара, в Америке существовало 75 местных стандартов времени. В 1893 году американский вариант инициативы Флеминга стал законом в Германии, а в начале нового столетия вся Европа присоединилась к гринвичскому времени [16, с. 288].

⁸ В исследовании применялось несколько методов сбора полевого материала. Дизайн исследования можно охарактеризовать как множественное кейс-стади. Каждое кейс-стади включало в себя слабоструктурированное интервью, спровоцированный дневник недельной коммуникации и лейтмотивное интервью по материалам заполненного дневника и записной книжки мобильного телефона. Первое слабоструктурированное интервью было сфокусировано на практиках пользования ИКТ и роли средств дистанционной коммуникации в повседневной жизни и общении информанта. После интервью информант получал формы дневника и подробные инструкции по его заполнению. Форма дневника представляла собой таблицы, в которых информант должен был в течение недели фиксировать все значимые контакты, отмечать время, продолжительность, место и содержание контакта. Альтеры, то есть те, с кем происходил контакт, обозначались при помощи псевдонимов, выбранных информантом, а форма контакта: посредством разных технических средств или непосредственно лицом к лицу, обозначалась в предложенной исследователем системе кодировок. В ходе проекта было собрано 28 интервью (по два

времени и пространстве с другими членами социальной сети. Длительных разговоров по нему не ведут — средняя продолжительность чуть больше одной минуты. Основные темы: выяснить кто где находится, когда можно встретиться, что нужно купить. Для разговоров, которые требуют большей продолжительности, используют стационарный телефон.

Значительную часть (22 %) составляют так называемые «ухаживающие звонки». Они представляют собой очень интересный феномен сообщений не несущих прямой фактологической информации, а направленных на поддержку эмоциональной связи между звонящим и абонентом. До распространения такого ИКТ как мобильный телефон люди не имели возможности в любом месте и в любое время подчеркивать свою эмоциональную связь с дистанционно удаленными «значимыми друзьями». Материалы исследования показывают, что сейчас «ухаживающие звонки» стали повседневной практикой подавляющего числа пользователей мобильной телефонии. Бессмысленные на первый взгляд обращения «Где ты?» или «Все у тебя хорошо?» подчеркивают эмоциональную вовлеченность в отношения и постепенно становятся нормой взаимодействия.

Таблица

*Функции разговоров по мобильному телефону
(по данным 14 дневников, заполнявшихся в течение 7 дней), %*

Функции	Количество контактов (N=214)
координация	56,5
«ухаживающие звонки»	22,0
помощь и консультации	9,8
деловые	7,4
сложные случаи	4,2

Очень часто функцию «ухаживающих звонков» принимают на себя SMS-сообщения. SMS являются третьей по популярности формой ИКТ, которую используют 20–30 летние жители Петербурга, которая уступает только разговорам по мобильному и стационарному телефонам.

С помощью маленьких аппаратов, которые почти всегда носят с собой, пользователи ИКТ постоянно в состоянии перепланировать расписание встреч и прочих повседневных дел и договоренностей. Так появляется новая, более гибкая культура неформального социального взаимодействия, которая больше зависит не от ранее скоординированных соглашений, а от текущей моментальной координации, которая позволяет людям приспосабливаться к непредсказуемым краткосрочным изменениям в обстоятельствах и/или в субъективных предпочтениях и капризах⁹.

Постоянное перепланирование становится привычной тканью повседневного взаимодействия, которое все больше превращается из взаимодействия в координацию, то есть в процесс перманентного сопоставления своего повседневного порядка с порядками других членов социальной сети. Использование мобильного телефона преобразует систему связей внутри социальной общности, переводит ее из режима жесткого планирования в режим мягкой, гибкой, динамической координации. «Былая размеренность минут, часов, дней и недель сливается в непрерывный поток переговоров, согласований и перепланировок. В любое время в ваш распорядок могут вторгнуться друзья и коллеги, а вы можете вторгнуться в их распорядок» [26].

интервью от каждого информанта) и 14 дневников. Они составили два массива данных: лейтмотивные интервью и дневники повседневной коммуникации.

⁹ Томас Эриксен отмечает, что, если мы приспосабливаемся к постоянному перепланированию в одной сфере жизни, потребность в нем возникает и в других сферах [17, с. 91].

К схожей мысли приходит в своем эссе Валерий Голофаст: «владельцы мобильных телефонов образуют то, что можно назвать неопределенной совокупностью «плавающих сетей». Они плавающие потому, что ни место, ни время, ни функциональный профиль взаимодействия, ни состав их участников заранее не обусловлены» [8, с. 13].

Таким образом, можно видеть, что попытки государственного контроля информационных потоков, пространственная дисциплина, а также предписанный временной режим, ограничиваются творчески-инновационными тактиками дисциплинарного сопротивления, которые изобретаются пользователями ИКТ.

Информационно-коммуникационные технологии и контроль на мезо-уровне организаций

Помимо государства, первыми, кто оценил властные возможности ИКТ были бизнес-структуры. Используя новые технологии они значительно повысили качество взаимодействия головного и периферийных офисов, а также расширили область контроля над сотрудниками, в специфику работы которых входило частое перемещение в пространстве. С одной стороны, это серьезно сократило бюрократические издержки и повысило эффективность, но, с другой — вызвало к жизни стихийные процессы дезинтеграции и уклонения сотрудников от их непосредственных обязанностей¹⁰.

Иерархия статусов внутри организаций стала нарушаться благодаря возможности горизонтальных контактов через ИКТ. Периферийные офисы начинают вести дела между собой, игнорируя центральный офис. Поскольку участникам стало легче договориться о том, как обходить предписанные правила, тайные горизонтальные обмены могут способствовать автономизации структурных единиц и устойчивых сетевых образований, развитию неформальных взаимодействий, потому что участники могут легко соглашаться обходить некоторые предписанные правила [23].

В исследовании есть несколько показательных примеров подобного поведения. Консультант в юридической фирме в процессе заполнения дневника повседневной коммуникации, где в рамках исследования отмечал все свои повседневные контакты, решил сменить место работы. Значительную часть своего рабочего времени он тратил на рассылку своего резюме потенциальным работодателям и переписку с ними, для чего пользовался как электронной почтой, так и факсом. Таким образом, он не только использовал рабочее время в личных целях, но также эксплуатировал инфраструктуру фирмы для реализации своих частных планов. Другим примером может служить случай программиста, который, используя высокий статус своей организации, а также ее информационные базы данных, прямо на рабочем месте находил себе частные заказы на разработку сайтов, создавая, таким образом, себе возможности для дополнительного заработка. Одна из информанток, работающая дизайнером на производстве кожаных сумок, часто использовала мобильный телефон (выданный ей администрацией) для уклонения от своих профессиональных обязанностей. Поскольку закроечный цех, цех кожгалантереи и офис из которого осуществляется руководство находятся в разных зданиях на арендуемой площади огромного завода, она всегда имела возможность находиться где-то между корпусами, проводя время в перекурах и разговорах с подругами. Компьютерный дизайнер одной из крупных кинокомпаний Петербурга рассказывал, что в ситуациях затрудненного проведения того или иного творческого решения через цензуру начальства, он включается в переговоры на

---

¹⁰ «Уверенность в том, что служащий всегда находится в пределах досягаемости — почти обязательная часть современной организационной культуры. Абсолютная досягаемость заразительна. Если один встает на этот путь (будь то фирма или отдельный человек), другие вынуждены последовать его примеру, чтобы не проиграть в конкурентной борьбе. Я как-то услышал о мужчине, игравшем в футбол в парке со своим пяти-шестилетним сыном. За те полчаса, что они гоняли мяч, он не разу не отнял от уха мобильный телефон» [17, с. 155].

горизонтальном уровне дизайнерского коллектива посредством ICQ молча и оперативно лоббирует, кажущееся ему правильным решение.

Таким образом, электронная почта, SMS и звонки по мобильному телефону развивают отдельные двусторонние отношения, что может иметь дезинтегрирующие последствия для организаций, особенно когда взаимные двухсторонние коммуникации принципиально не подлежат наблюдению со стороны третьих лиц. Следуя терминологии Барри Велмана, можно сказать, что мобильный телефон и прочие ИКТ:

1) ослабляют «сообщества», т.е. строго ограниченные надындивидуальные общности «своих», состоящие из многих равных между собой индивидов и оказывающие на их мышление и поведение казуальное воздействие

2) усиливают «сети», т.е. децентрализованные социальные поля, которые каждый индивид выстраивает в соответствии со личными возможностями и потребностями в ходе постоянных межличностных взаимодействий и переговоров [27].

Полевые данные показывают, что на многих рабочих местах, пользователи персональных компьютеров имеют возможность свободно переключаться между частным и профессиональным его использованием в любой момент времени. Многие офисы уже ввели контроль над интернет-трафиком. Мне известен пример, когда руководитель филиала одной из «российских естественных энергетических монополий» на планерке в конце недели публично зачитывает направления трафика сотрудников начальникам отделов, после чего следуют административные выводы, вплоть до отключения доступа к интернету.

Мобильную телефонию контролировать дороже и сложнее. Самой простой мерой можно считать подключение всех сотрудников на корпоративный тариф, что обеспечивает директорат информацией о ежемесячном объеме переговоров каждого сотрудника. Однако это не меняет ситуацию, поскольку каждый волен иметь сколь угодно большое количество мобильных телефонов. Служащие используют электронную почту и мобильные телефоны для тактического захвата оплачиваемого рабочего времени. Даже когда организация старается контролировать время и направление разговоров своих сотрудников посредством подключения на корпоративный тариф, она не может эффективно отслеживать режим их пространственного перемещения. Эмпирические данные демонстрируют, что служащие регулярно прибегают к уловкам связанным с собственным пространственным местонахождением. Один из информантов с помощью мобильного телефона два дня инсценировал, что якобы находится в командировке и ведет переговоры с клиентом; переговоры фактически заняли всего 20 минут, и двое суток он проводил время на даче с друзьями и получал командировочные.

При таких обстоятельствах, установленный централизованный контроль относительно временного и пространственного режима труда более труден для капитала.

Таким образом, можно сказать, что под воздействием ИКТ разрушаются дисциплинарные оппозиции дом/рабочее место, свободное/рабочее время. Собственно, можно предположить, что в некоторых областях экономики происходит возвращение к средневековым образцам, когда подобного разделения практически не было.

Информационно-коммуникационные технологии и контроль на уровне индивидуального взаимодействия

В то время как дисциплинарный контроль институтов все более разрушается антидисциплинарными тактиками, ИКТ приводят к усилению и расширению контроля на уровне индивидуальных взаимодействий. Во все большем количестве взаимодействий по поводу контроля над поведением другого приходится исходить из того, что требование контроля идет прямо от персонализированного субъекта, а не от некоего обобщенного агента, типа государства или фирмы. Соответственно, и тактики сопротивления претерпевают изменение — это не столько защита от надзора со стороны института (вернее, человека, чьи действия рассматриваются как действия института), сколько от надзора со

стороны человека, который по какой-либо чисто межличностной причине имеет право претендовать на видоизменение вашего поведения. По сути, любой звонок, SMS или электронное письмо, помимо прочего, могут содержать элементы властного контроля. Они могут быть как открытыми, так и латентными. Однако в отличие от ситуации институционального контроля, например в коммерческой фирме, где контроль и дисциплинирование по преимуществу носят открытый характер (что часто прямо прописывается в трудовом договоре), межличностный контроль обычно скрыт. В повседневном взаимодействии индивидов властные диспозиции не очевидны. В персональных сетях все участники одновременно и господствуют, и подчиняются. Их позиция во многом зависит от конкретной ситуации взаимодействия. На уровне государства и других институтов практики контроля имеют более однозначный вектор. Конечно, в условиях демократического оформления государственной политики необходимо прибегать к маскирующим контроль формулам: ваши телефоны прослушивают, чтобы бороться с терроризмом, вашу почту перлюстрируют, чтобы обеспечить безопасность, причем именно вашу. Крупные фирмы оправдывают необходимость контроля корпоративной этикой и риторикой эффективности. Но если рассматривать дисциплинирование на уровне межличностного взаимодействия, то здесь прямой и очевидный контроль затруднителен. Здесь каждый раз придумывается формула его обоснования. В сети социальных отношений вас не контролируют, наоборот, за вами ухаживают, о вас беспокоятся. То есть контроль приобретает мягкую форму заботы. Забота отличается от контроля тем, что предполагает взаимную зависимость и необходимость давать объяснение осуществляемому контролю. Забота, подобно фукольтианской «заботе о себе» [14], выражается в дисциплинарном ограничении действий другого в соответствии с индивидуальными представлениями о благе того, кто осуществляет заботу. То есть это совместная деятельность заботящегося и объекта заботы по взаимной субъективации.

Результаты исследования позволяют предположить, что забота во многих случаях обладает властной потенцией. Раньше она была ограничена пространственным режимом близости, теперь информационно-коммуникационные технологии дают возможность индивидам простирать свою заботу в неограниченном временном и пространственном режиме. Именно здесь становится интересным количественное соотношение координирующих и «ухаживающих» звонков, по отношению к звонкам и SMS-сообщениям, носящим деловой или консультирующий характер (см. Таблицу). Например, одна информантка, опаздывая на встречу, демонстрировала мужу свою «огорчение», постоянно «отзваниваясь» о процессе своего продвижения к месту встречи:

«Вопрос: А 31 марта ты указываешь как контакт «серию коротких звонков мужу для координации». Ты указываешь время 5 секунд, то есть это время одного звонка, или серия звонков уложилась в 5 секунд?»

Ответ: Да, это было несколько звонков, я уже и не помню. Звонка три, четыре может быть, вот так. Это такого рода: «Ты где? Я там, на углу», предположим, «А я вот еще из метро выхожу».

Вопрос: Странная ситуация получается, вы только что договорились о встрече, а дальше эта серия звонков. То есть, буквально обговаривается каждый шаг?

Ответ: Это, по-видимому, я опаздывала. То есть такая ситуация возникает, когда кто-то опаздывает. Может быть, он опаздывал, или я. Вот. Когда договоренность не срабатывает, приходится ее вот так на ходу корректировать».

В контексте подобной координации, звонки информантки были формой оправдания, тактической уловкой сглаживающей нарушение договоренности. Звонки же ее мужа, ожидавшего ее у метро, можно прочесть как контролирующую заботу (пять звонков с одним вопросом: «Где ты?»).

Координация, являющаяся основным содержанием коммуникации по мобильному телефону, может рассматриваться как дисциплинирующее взаимодействие, в ходе которого

участники согласуют свои возможности и желания. Новые ИКТ позволяют постоянно переиначивать временной и пространственный контекст взаимодействия. Они дают возможность доминирующему осуществлять более полный контроль над подчиненным, а тому в свою очередь позволяет находить разные уловки в ходе уклонения от контроля.

Еще более очевидным проявление властной потенции заботы становится при анализе «ухаживающих звонков». Не имея даже такого формально информационного измерения как координирующие коммуникации, «ухаживающие звонки» содержат в себе заботу в чистом виде. Особенно удобна для ухаживающего контроля SMS-переписка, которая по данным исследования на половину состоит из «ухаживающих сообщений». Характерным примером является дневник студентки университета культуры им. Крупской. Она, как и большинство информанток, получила мобильный телефон в подарок от своего бойфренда, уезжая из родного Ульяновска. Год жизни в общежитии, новые знакомства, ритм столичной жизни несколько ослабил ее эмоциональную вовлеченность в ульяновские сети. Однако ее молодой человек не прекращает попыток сохранить прежние отношения, регулярно напоминая о себе SMS-сообщениями. Вот выдержки из ее дневника: «Вова поздравил с прошедшими праздниками и поинтересовался моими делами»; «Вова спросил, когда я приеду в Ульяновск»; «Вова пожелал мне доброго утра»; «Вова пожелал мне спокойной ночи». Подобные коммуникационные акты стали возможны только в результате распространения новых ИКТ. Если бы девушка в этом случае не имела бы мобильного телефона, то ее ульяновский жених имел бы значительно более ограниченные возможности регулярно напоминать о себе, поскольку стационарного телефона в общежитии нет. Коммуникация посредством традиционной бумажной почты не создает возможности дистанционного соприсутствия «здесь и сейчас» и, к тому же, не очень надежна.

Приведенные примеры демонстрируют ситуации дистанционной заботы, которую осуществляют по отношению друг к другу участники социальной сети. В этом контексте важно отметить, что «плотность» заботы зависит от позиции в сети человека, ее проявляющего. Чем эмоционально ближе к индивиду человек из его окружения, тем более плотную заботу он способен проявлять. Анализ дневников повседневной коммуникации, показывает, что плотность всякого рода коммуникативных взаимодействий с людьми, относящимися к семейному сегменту сети, была выше, чем в других (дружеских, коллегиальных, приятельских) сегментах сети. Особенно явно дистанционная забота проявляла себя в случаях наличия у информантов детей, когда наблюдалось постоянное тестирование отношений и регулярные координации и «ухаживания» (например, в случае 30-летнего женатого компьютерного дизайнера переговоры по мобильному телефону за всю неделю заполнения дневника велись исключительно с женой, что описано информантом как типичная для него ситуация).

«Факт звонка уже не локализует собеседников в пространстве. Именно поэтому возникает новый речевой ритуал: первым вопросом телефонной коммуникации становится «Ты где?». Одновременно на более высоком уровне коммуникации, доступ к которому имеют «хозяева» сети (соответствующие работники телекоммуникационных компаний и государственные структуры), индивид помимо своей воли каждое мгновение опознан и фиксирован в пространственной системе координат. Даже выключенный и сломанный телефон дает точное местоположение абонента» [12]. Однако и эта прерогатива «сильных» перестала быть монополией. Весной 2004 года оператор сотовой связи ОАО «Мегафон» ввел в тарифный план новую услугу «Локатор», которая позволяет пользователям определять местонахождение своих абонентов с точностью до ближайшего перекрестка, причем за умеренную сумму в 6 центов США¹¹. Для этого необходимо изначальное (одноразовое)

---

¹¹ Услуга позиционировалась изначально как «родительская», то есть предназначенная для семейного контроля за перемещениями детей, но почти сразу это ограничение

согласие абонента на то, чтобы его номер определялся тем или иным звонящим, но после того, как оно получено, местоположение абонента определяется его партером (партнершей) в любом месте в любое время и без какого-либо уведомления. Однако и подобные, буквально тотальные, стратегии контроля сталкиваются с тактическими уловками «слабых». Я интервьюировал семейную пару, подключившуюся на «Локатор». Гендерный порядок в этой семье был организован таким образом, что жена стремилась подчинить своему контролю максимально большое пространство жизни своего мужа, особенно в промежутке его перемещения с работы домой. Тактическая уловка супруга состояла в том, что, отлучаясь с рабочего места выпить с друзьями или подругами, он оставлял телефон в ящике рабочего стола. Характер его работы в качестве мастера достаточно шумного производства позволял списывать свое невнимание к звонкам супруги на специфические условия работы («шумно – я не слышу звонка»).

Итак, забота иногда сталкивается с тактическими уловками объектов заботы, которые пытаются уйти от излишнего контроля. И опять здесь значительную роль играют новые ИКТ.

В моем исследовании, я обнаружил устойчивый набор форм уклонения от персонального контроля посредством ИКТ. Для защиты от нежелательных звонков и контроля пользователями мобильной связи применяется несколько уловок. Во-первых, используется функция определения номера, благодаря которой пользователь может мгновенно увидеть, кто его беспокоит. Хотя такая уловка затруднена тем фактом, что в Петербурге многие номера стационарных телефонов не определяются, она все равно активно применяется. Второй способ – использование расхожего оправдания, что, мол, находился в метро (куда сигнал не проходит) или у телефона сели батареи/внезапно закончились деньги на счету. И третье, элементарное оправдание – «я не слышал(а) звонка». Интересно, что ограниченность набора уловок никак не влияет на частоту их применения. То есть, при необходимости, одни и те же объяснения собственной недоступности могут использоваться снова и снова.

Итак, на уровне индивидуального взаимодействия индивидов ИКТ создают новые условия для осуществления надзора на межличностном уровне, который часто принимает форму заботы и выражается в постоянной координации действий и обилии «ухаживающих» звонков и SMS. Особенность заботы, выражаемой через ИКТ, заключается в том, что для нее не существует ни временных, ни пространственных границ. В области ретрансляционных вышек забота может настигнуть свой объект фактически везде и всегда. Но подобная легкость заботы-контроля также иногда сталкивается с тактическим сопротивлением подчиненных. Как показали данные исследования молодые юноши и девушки, проживающие в Петербурге разнообразно и творчески (по де Серто) применяют ИКТ в качестве инструмента сопротивления как семейной заботе, так и давлению дружеских сетей. Творчески применяемые уловки пользователей ИКТ, позволяют вести сложную игру во властном пространстве, пронизанном волнами ретрансляционных вышек.

Данные исследования подтверждают тезис о том, что развитие информационно-коммуникационных технологий имеет большое значение для современных систем институционального и индивидуального контроля. Как сказал Дениэл Белл, если электричество было агентом трансформации общества второй половины XIX века, то компьютер (и мобильная телефония – Б.Г.) точно так же трансформирует общество второй половины XX века [3, с. 195]. Электричество как источник света, энергии и коммуникации вызвало к жизни «массовое общество», то есть в громадной степени расширило социальные связи и взаимодействия между людьми и тем самым многократно усилило то, что Дюркгейм называл социальной плотностью общества. В этой связи можно сказать, что компьютеры (и мобильные телефоны – Б.Г.) являются инструментами управления массовым обществом,

---

потребительской группы было снято, и теперь «Локатор» доступен для всех пользователей «Мегафона».

поскольку они есть механизмы обработки и передачи социальной информации, громадный объем которой растет почти экспоненциально в силу расширения социальных связей [3, с. 196]. Однако это управление имеет уже другую природу. Дисциплинарный контроль перестает быть прерогативой государства и других институтов, а спускается на уровень межличностных взаимодействий. Власть от иерархии переходит к сети, но и в сети повседневной коммуникации власть «сильных» (начальников, мужчин, родителей) все равно сталкивается с тактическим сопротивлением «слабых» (подчиненных, женщин, детей).

Мы видим, как дисциплинарные попытки государства по осуществлению территориального и информационного контроля наталкиваются на ограничения, созданные массовым распространением ИКТ, как под воздействием ИКТ разрушаются дисциплинарные иерархии организационных структур, как на уровне индивидуального взаимодействия ИКТ становятся инструментом сопротивления семейному надзору и давлению социальных сетей.

В заключении уместно вспомнить высказывание итальянского философа Джанни Ваттимо, который писал, что технология, господствующая в мире нашего обитания и его формирующая, характеризуется в первую очередь системами сбора и передачи информации [4, с. 23], которыми собственно и являются информационно-коммуникационные технологии. Соответственно, дальнейшее изучение ИКТ может открыть новые горизонты для социологического знания.

Литература:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Белинис Л. Электронная демократия: политика в условиях глобальной коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 4.
3. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Политическая литература, 1986.
4. Ваттимо Дж. Прозрачное общество. М.: Логос, 2003.
5. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Гнозис, 2002.
6. Волков В. Силовое предпринимательство. СПб.: Летний сад, 2002.
7. Гладарев Б. Повседневное пользование информационно-коммуникационными технологиями // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2004. № 5.
8. Голофаст В. Электронная среда или новые пещерные люди // Телескоп: Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2002. № 2.
9. Девятко И. Модернизация, глобализация и институциональный изоморфизм: к социологической теории глобального общества // Глобализация и постсоветское общество / Под ред. А. Согомонова, С. Кухтерина. М.: Стови, 2001.
10. Иванов Д.В. Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений. СПб.: СПбГУ, 2002.
11. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ–ВШЭ, 2000.
12. Николаева Е.В., Николаева Т.Н. Повседневная вещь как объект социокультурной практики: семантика мобильного телефона в молодежной субкультуре // Этножурнал. 2004. № 9 (март). <http://www.ethnonet.ru/lib/0304-01.html>,
13. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1. Статьи и интервью 1970–1984. М.: Практика, 2002.
14. Фуко М. История сексуальности – III: Забота о себе. Киев: Дух и литера; Грунт, 1998.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
16. Хёг П. Условно пригодные. СПб.: Simposium, 2003.
17. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь Мир, 2003.
18. Certeau M. de. The Practice of Everyday Life. Berkely: University of California Press, 1984.

19. Foucault M. *On Power // Politics, philosophy, culture: interviews and other writing of Michel Foucault, 1977–1984*. NY: Routledge, 1990.
20. Foucault M. *Space, Knowledge and Power // The Foucault Reader / Ed. by Paul Rabinow*. New York: Pantheon Books, 1984.
21. Foucault M. *How is Power Exercised? // Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault. Beyond Structuralism and hermeneutics*. Chicago: University of Chicago Press, 1983;
22. Geser H. *Towards a Sociological Theory of the Mobile Phone // http://socio.ch/mobile/t_geser1.htm*, 2003.
23. Manning P.K. *Information Technology in the Police Context: The Sailor Phone // Information Systems Research*. 1996. № 7.
24. Plant S. *On the Mobile. The Effects of Mobile Telephones on Social and Individual Life // <http://www.motorola.com/mot/documents/0,1028,333,00.pdf>*, 2000.
25. Touraine A. *The Post-Industrial Society. Tomorrow's Social History: Classes, Conflicts, and Culture in the Programmed Society*. N.Y.: Random House, 1971.
26. Townsend A.M. *Life in the Real-Time City: Mobile Telephones and Urban Metabolism // Journal of Urban Technology*. № 2. P. 85–104. <http://www.informationcity.org/research/real-time-city/life-in-the-real-time-city.pdf>, 2000.
27. Wellman B. *The Network Community. An Introduction to Networks in the Global Village // <http://www.chass.utoronto.ca/~wellman/publications/globalvillage/in.htm>*, 1999.